

изъ нихъ ринулась бы прѣсная влага. Увѣренъ также, что и на другой сторонѣ Краснаго моря вода, льющаяся изъ вершины холма Зафаране, добыта посредствомъ буравленія подземельнаго черепа. Въ такой увѣренности почитаю неоспоримымъ мнѣнiе свое, выраженное въ описанiи перваго путешествiя моего на Синай, что названiе Аюнъ-Муса надобно переводить не *очи Моисеи*, а *очи водные*, и что оно означаетъ воду, добытую искусственно; ибо Египетское рѣченiе, Моисисъ, передѣланное по Арабски въ Муса, значитъ «получаю воду.» (*)

Въ концѣ осьмага часа прибыли наши верблюды съ вещами и съ Нильскою водою. Мы послали ея животы свои послѣ сланой, Суэской и Мусовской влаги, которой не улучшаетъ и влагаемый въ нее шафранъ, и расположились спать, кто въ домѣ кто за нимъ на пескѣ.

(*) *Μουσῆς*. *Μῶυ σημαίνει τὸ ὕδωρ Αἰγυπτιακῆ καὶ τὸ Σηε σημαίνει τὸ λαμβάνω κατ' Αἰγυπτίους*. — Glossa in Octateuchum e Codice Uossiano desumpta. Te Watev in Jablon. Opuscul. I. p. 157. 158. nota.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Путь отъ Аюнъ-Муса до Синайскаго монастыря.

8. Четвертокъ.

Я провелъ ночь весьма безпокойно. Боль въ лѣвомъ глазѣ и жаръ во всемъ тѣлѣ прерывали тонкій сонъ мой.

Было еще не свѣтло, когда мы пробудились и начали снаряжаться въ путь. Молодой Манолли приступилъ ко мнѣ съ просьбою, чтобы я при немъ же написалъ въ Константинополь объ оказанномъ мнѣ содѣйствiи отца его къ усмиренiю проводниковъ моихъ, и вручилъ бы ему письмо это. Такая просьба не столько удивила, сколько смутила меня. Напрасно я говорилъ ему, что буду писать по возвращенiи въ Иерусалимъ, дабы теперь признательность моя не показалась выпрошенною. Онъ настоялъ на своемъ; и я написалъ нѣсколько строкъ къ нашему генеральному консулу въ Александрію.

Маноли, принявъ мое письмо, былъ очень доволенъ и простился со мною, вѣроятно, въ пріятнѣйшей надеждѣ, что отецъ его, какъ второй Юсифъ, получитъ драгоценный перстень на руку за истолкованіе правды Синайскимъ бедуинамъ.

Въ половинѣ седьмого часа верблюды пошлагали подъ нами по той же дорогѣ, по которой я ѣхалъ на Синай, пять лѣтъ тому назадъ, и въ теченіи 540 минутъ несли насъ на горбахъ своихъ до Уади Тайпэ, гдѣ пришлось намъ ночевать. На пути не встрѣтилась съ нами ни одна душа живая: а провожалъ насъ во весь день холодный сѣверозападный вѣтеръ. Погонщики нашихъ верблюдовъ были смиренны, какъ агнцы, и порой мѣнялись съ нами ласковыми рѣчами; за то я подарилъ имъ козленка. Они испекли его на угольяхъ, и послѣ ужина затѣяли хороводъ. Ихъ пѣніе съ присѣданіями и хлопаньемъ въ ладоши, по мановеніямъ юнаго и красиваго Мусы, закутавшася въ длинное покрывало и размахивавшаго руками, ни мало не разнилось отъ пѣнія и пляски бедуиновъ, провожавшихъ насъ къ св. Антонию. Стало быть, обычаи у многихъ кочевыхъ Аравитянъ одинаковы.

9. Пятница.

Наступилъ девятый день Іюня. Утро его было весьма холодно. Я прикуталъ себя Балканскими лисичками, и пошелъ пѣшкомъ за верблюдами ровно въ пять часовъ по полуночи. Близъ ночлега проводники обратили мое вниманіе на два небольшіе камня, поставленные рядомъ на зыбучемъ пескѣ, и повѣдали мнѣ, что нѣкогда на этомъ мѣстѣ два разбойника напали на Синайскаго монаха, но онъ одного убилъ палкою, а другой убѣжалъ отъ страху. «Мы воспѣваемъ его храбрость, — примолвили Бедуины, — и это мѣсто называемъ мѣстомъ побѣды. Нами поставлены эти камни въ знакъ памяти.»—Выслушавъ ихъ, я сказалъ самъ себѣ: прямодушные скитальцы! они уважаютъ чужую доблесть, не смотря на то, что пролита кровь ихъ одноплеменника.

Наше путешествіе отъ Тайпэ до Гаренделя было благополучно. Разстояніе между ними мы прошли въ 600 минутъ. Поелику же верблюдъ въ минуту ступаетъ пятьдесятъ разъ; то каждый горбунъ подъ нами сегодня сдѣлалъ 30,000 шаговъ. А шагъ его измѣряется двумя аршинами съ половиною; слѣдовательно пройдено всего 75,000 аршинъ земли, или пятьдесятъ верстъ.

Во весь день освѣжалъ насъ сѣверозападный вѣтеръ. Богъ намъ посылалъ его, какъ даръ. Я болѣе другихъ чувствовалъ сіе благодѣяніе Божіе, потому что вѣяніе вѣтра уменьшало несносное для глазъ моихъ отраженіе свѣта и жара отъ песку. Чѣмъ ближе мы подходили къ Уади Гарендель; тѣмъ диче, песчанѣе и заунывнѣе становилась Синайская пустыня. За то сія широкая и глубоковатая юдоль, пріосѣненная манновыми деревьями, Гаргадами и Финичіями, показала намъ Эдемомъ. Она, по словамъ нашихъ проводниковъ, не принадлежитъ никакому Бедуинскому племени исключительно; иногда Терабины и Алейкаты заходятъ въ нее съ своими стадами и пьютъ соленоватую воду изъ ея источника. Но гдѣ же собственно кочуютъ эти благородные Бедауи? Терабины, назади, у источника Тасе-Судръ, Алейкаты, впереди, въ многоводной долинѣ Насбъ; прочіе же братія ихъ разсѣлены далѣе, Аваримы въ верховьяхъ сей долины, Уладъ-Саиды у подножія горы Зербаль въ Уади Фейранъ, Дуггеры на выси Рутайбе, что на юговостокѣ отъ Синайской обители, Мезеніи и Бени Везель на берегу Эланитскаго залива Чермнаго моря.

По захоженіи солнца я подозвалъ къ себѣ

домочадца своего Ханну, родившагося въ Синайскомъ городкѣ, Раиетъ, и прозваннаго нами философомъ за его молчаливость и здравыя разсужденія съ примѣсью странныхъ понятій, и началъ разговаривать съ нимъ:

— Ханна, какъ ты думаешь и разсуждаешь о Богѣ?

— Я думаю и разсуждаю о Немъ такъ, какъ слышу въ церквѣ.

— А что тамъ слышишь ты о Немъ?

— Иногда слышу: Богъ есть духъ. Иногда: Богъ есть любовь. А часто слышу, что Богъ есть Отецъ, Сынъ и Духъ святой, Троица единосущная и нераздѣльная, творецъ неба и земли, вседержитель, царь небесный, утѣшитель, спаситель, судія живыхъ и мертвыхъ.

— Кого прежде сотворилъ Богъ, человѣка, или ангеловъ?

— Ангеловъ.

— Почему же ты такъ думаешь?

— Потому что вѣрую въ премудрость Божію, начинающую и оканчивающую все совершенствомъ.

— Что дѣлаютъ Ангелы?

— Непрестанно славословятъ Бога. У каждаго изъ нихъ есть тысяча языковъ, и каждый языкъ умѣетъ восхвалять Его тысячею нарѣчій.

— Богъ сотворилъ вдругъ безчисленныя звѣзды, растѣнія, рыбы, птицы и звѣри: почему же Онъ создалъ только Адама и Еву, а не многихъ мужей и женъ?

— Ханна, подумавъ, отвѣчалъ: если бы Онъ вдругъ создалъ множество мужей и женъ съ тѣмъ, чтобы они раждали дѣтей; то людямъ, вскорѣ, негдѣ было бы жить. Развѣ они умирали бы во цвѣтѣ лѣтъ? Но, вѣдь, люди — не трава, и Богъ не серпъ. Имъ нужно время для спасенія душъ ихъ.

— Здраво разсуждаешь ты, Ханна; и я люблю твои разсужденія. Скажи же мнѣ еще: отъ чего потомки Адама, одни бѣлы, а другіе черны?

— Вы это знаете лучше меня.

— Но я желаю слышать твое сужденіе, или по крайнѣй мѣрѣ мнѣніе родичей твоихъ. Вы сосѣди Хабешамъ (Абиссинцамъ) и Чернымъ (Неграмъ); такъ лучше насъ знаете: отъ кого родились эти люди, и почему почернѣли.

— Они родились отъ двухъ сыновъ Авеля, которые были бѣлы, черными же стали въ наказаніе отъ Бога.

— За что же они такъ наказаны Имъ?

— За то, что принесли Ему жертвы недостойно; Хабешъ худую, а братъ его еще хуже. Посему Хабеша не такъ черна какъ ихъ сосѣди, и увѣровали во Христа и крестились во имя его. Иисусъ Христосъ поучалъ и черныхъ, и общалъ сдѣлать ихъ бѣлыми, если они примутъ крещеніе. Старѣйшины ихъ съ народомъ своимъ согласились — было на это; но какъ только ступилъ въ воду по лодышки и коснулся ее ладонями, усомнились и не захотѣли креститься. За то остались черными; въ знаменіе же неложности обѣщанія Христова немного побѣлѣла кожа на ихъ подошвахъ и ладоняхъ.

— Спасибо тебѣ, Ханна, за это объясненіе.

Я до сихъ поръ не зналъ, почему у черныхъ по-

дошвы и ладони свѣтлѣе прочихъ частей тѣла, а теперь знаю и думаю, что эти люди когда нибудь слышали слово Евангельское, да оно не укоренилось въ нихъ.

— Вы это знаете лучше меня; сказалъ домочадецъ, и видя, что я призадумался, отошелъ перемывать посуду.

А я думалъ о томъ, что Христіанство, дѣйствительно, можетъ убѣлить души Негровъ и что они понынѣ остаются во тмѣ по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, но въ свое время будутъ призваны въ царство Христово, гдѣ разцвѣтутъ и плодъ принесутъ ихъ добрыя качества, простота, кротость, склонность къ прощенію обидъ, уваженіе къ высшимъ дарованіямъ.

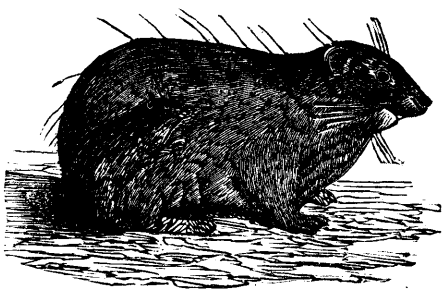
Много есть тайнъ на семъ свѣтѣ. Близорукіе умы думаютъ, что постигаютъ ихъ, а *Видящіе* смежаютъ предъ ними свои очи.

10. Суббота.

Теплая ночь въ Гаренделѣ смѣнилась прохладнымъ утромъ. Небо надъ этою долиною голубѣло, какъ лазурь, а за моремъ надъ горами алѣло, какъ роза. Кругомъ нашего кочевья зеленѣли манновыя деревья. Въ шатрѣ моемъ пробная вода Гарендельская черезъ ночь показала на

вкусъ горче. Мы отпили чай. Начались сборы къ отъѣзду. Шатры повалились. Бедуины ихъ связали. Верблюды заревѣли подѣ тяжелыми ношами. Послѣдняя секунда пятого часа проскользила въ верху своего кружечка. Мы поѣхали.

Недалеко отъ ночлега Бедуины показали намъ слѣды Синайской гѣны, называемой, Даба. Она ночью ходила пить воду въ Гаренделѣ. По этому случаю я спросилъ проводниковъ: какіе животные водятся на Синайскомъ полуостровѣ; и они наименовали ихъ мнѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: верблюды, ослы, овцы, козы, серны, собаки, дабы, немурь (родъ льва), уэберы—родъ желтаго зайца, скорпионы, ящерицы, и змѣи разныхъ родовъ, изъ которыхъ самыя ядовитыя и опасныя для верблюдовъ и людей суть слѣпые. Они издали чуютъ кровь, и по чутью подпрыгиваютъ къ своимъ жертвамъ ночью. Думать надобно, что эти змѣи язвили Израильтянъ своими смертоносными жадами.

Поѣздъ мой тянулся гусемъ по дорогѣ, веду-

щей къ Уади Усейтъ. По сую сторону этой долины встрѣтились съ нами Синайскіе скитальцы Мезеніи на верблюдахъ. Они везли въ Каиръ на продажу небольшіе жернова, выдѣланные изъ краснаго гранита. Каждый изъ нихъ привѣтствовалъ нашего Шеха и дружину его: *Селамъ алейкумъ*, миръ вамъ. Племя Мезеніевъ весьма смугло. Въ ихъ поѣздѣ были два Негра. На вопросъ мой,—какимъ образомъ эти черные очутились между ними,—Салехъ отвѣчалъ, что они куплены, какъ невольники. И такъ и Бедуины, которые болѣе всего дорожатъ независимостію и свободою, имѣютъ рабовъ. Странное противорѣчіе! Смотри на торговцевъ жерновными камнями, я вспомнилъ Измаильтянъ, купившихъ прекраснаго Юсифа у братьевъ его, и подивился долговременной продолжительности торговли рабами на Востокѣ.

Въ долинѣ Усейтъ стояли тѣ же многолѣтныя финичія, кои я видѣлъ, назадъ тому пять лѣтъ. Плоды на нихъ, желтые какъ воскъ, были еще очень малы и мягки. Они висѣли на тонкихъ золотистыхъ прутикахъ, какъ виноградные грозды. Одинъ изъ проводниковъ нашихъ нарѣзалъ большую оханку этихъ кистей съ ихъ пру-

тиками въ пищу верблюдамъ, которые жуютъ ихъ съ большою охотою. Этотъ случай доказалъ, что Бедуинъ лелѣетъ своего горбатаго спутника такъ, что не бережетъ для себя лучшаго плода, а отдаетъ его ему. За Усейтомъ и близъ Уади Тайбе попались намъ навстрѣчу еще два каравана Мезеніевъ съ тѣмъ же товаромъ.

Кустистыя и водныя долины, Гарендель, Усейтъ, Тайбе и Насбъ, по моему мнѣнію, составляли Библейскій Елимъ. Изъ сего околотка Израильтяне спустились къ Черному морю, одни по Уади Насбъ, а другіе по Уади Тайбе. Ибо другаго пути къ нему нѣтъ. Черезъ сосѣднюю гору Хаммамъ Фараонъ трудно имъ было проникнуть туда, потому что она обрывиста, крута, и стоитъ въ водѣ. Тотъ же путь, черезъ долину Тайбе, избрали и мы въ намѣреніи осмотрѣть по дорогѣ памятники Египетскаго ваянія въ Магарѣ, многочисленныя надписи на скалахъ Мукаттебскихъ, и развалины древнѣйшаго города Фарана. Тонкая стезя, протоптанная верблюдами и Бедуинами по правой возвышенной окраинѣ Таибской долины, вела насъ къ поморію. Съ этой стези видна была глубь сей извивистой и крутоярой долины. Въ глубь земли хвойныя тарфы и вѣ-

твистыя финичія. Недалеко отъ устья ея Салехъ указалъ мнѣ родникъ воды, пріосѣненный деревьями. По словамъ его здѣшняя влага не лучше прочихъ; слѣдовательно, соленовата. Межъ известковыхъ горъ, окаймляющихъ Уади Тайбе, солнце палило, а вѣтеръ освѣжалъ насъ. Проницаемые прохладою и жаромъ мы достигли выхода изъ сей долины и вдругъ очутились у моря, котораго синія волны были любы очамъ, утомленнымъ каменистыми, голыми горами. Устье Уади Тайбе весьма тѣсно и обставлено высокими и отвѣсными скалами горъ Хаммамъ-Фараонъ и Расъ-Зелима. Скалы Хаммамскія торчатъ въ водѣ, а предъ Зелимскими есть бережокъ. Съ сего мѣста открывается приморская пустыня. Она узкою полосою тянется вдоль моря далеко на югъ, и перемыкается Джаханскимъ мысомъ. Въ ней господствуетъ бѣлый цвѣтъ известняка, слегка прокрашенный желтизою. Когда мы обогнули Зелимскій мысъ въ направленіи къ востоку, или отъ моря къ горамъ, и пошагали къ источнику, Морка, у котораго надлежало ночевать: взорамъ представилась пространная равнина, полукругомъ вдающаяся внутрь Синайскаго материка, и обставленная слѣва скалами Зелимскими, а

справа Накбъ—Сидырскими, впереди же пепловидными высотами Насбійскими. Многія русла зимнихъ потоковъ, изрывшія эту равнину, поясняли образованіе ея. Время было родитель ея, а дождевая вода—мать, которая возрастила ее наноснымъ съ горъ и изъ долинъ растворомъ извести, глины, песку, хвороста и камней.

Вся эта равнина называется Мърха по имени иглистаго кустарника, въ обилии растущаго на ней. Источникъ ея находится далеко отъ моря у подошвы обрывистаго устья долины Дафарійской. Онъ прикрытъ многовѣтвистымъ финикомъ, глубоковатъ, и прозраченъ. Но вода въ немъ горька, и никуда не вытекаетъ.

Минули пять часовъ по полудни, когда мы подлѣ этого источника расположили свое кочевье. Я усталъ и весь изломался на верблюдѣ. Къ увеличенію страданія моего Иванъ объявилъ мнѣ, что у насъ мало воды, и едвали достанетъ ее на два дни до Фейрана, гдѣ есть рѣчка. Это объявленіе встревожило меня тѣмъ болѣе, что на пути къ помянутой долинѣ нѣтъ никакой влаги, ни сладкой, ни горькой. Я спросилъ его: что за причина убыли воды, которой запасено довольно, и которая добавлена была въ Суэсъ.

— Домочадецъ отвѣчалъ: много пьющихъ, а одинъ изъ нихъ болѣе всѣхъ тянетъ ее.

— Кто такой? Не давай ему болѣе другихъ: проворчалъ я сурово.

— Я не даю ему; но онъ самъ опусташаетъ ее потихоньку: сказалъ Иванъ улыбаясь.

— Ключи отъ бочекъ у тебя. Запри ихъ; и никто не проглотитъ ни одной капли.

— Бочки заперты днемъ и ночью. А вода убываетъ.

— Кто же пьетъ ее?

— Солнце.

— Ты шутишь?

— Какія шутки! Я замѣтилъ, что вода въ каждый день испаряется въ бочкахъ почти на два вершка.

— Вѣрю.

— Да и наши пьютъ ее много въ пути. Прикажите имъ брать поменьше.

— Хорошо. Я самъ буду выдавать ее каждому столько, сколько отливаю для себя. А на солнце, братъ, нѣтъ ни суда, ни расправы.

Сказано и сдѣлано. Я созвалъ всю свою дружину и послѣ краснорѣчиваго слова о томъ, какъ тяжело умирать отъ жажды въ пустынѣ, отмѣрялъ на ночь каждому столько воды, сколько вмѣщаль ее мой кувшинчикъ. Спутники возроптали на меня, ссылаясь на неравенство разгоряченія крови. Но ихъ умствованію противопоставлены были умолимая необходимость и великодушное терпѣніе.

Выше нашего кочевья къ востоку крылась въ горахъ Уади Насбъ. Устье сей юдоли такъ же, какъ и Дафарійской, Таибской и Усейтской, весьма тѣсно, и почти непримѣтно. Не таковы устья долинъ на противоположномъ берегу Чермнаго моря. Тамъ онѣ весьма широки. Отъ чего такая разность? Не были ли когда-нибудь шире устья и Синайскихъ долинъ? и не оборвались ли онѣ, и не погрузились ли въ воды сего моря? Не знаю.

А увѣренъ въ томъ, что весь околотокъ между Гаренделемъ и Насбомъ, включительно съ сими долинами, есть Библейскій Элимъ. Ибо тутъ находятся двѣнадцать источниковъ и много финиковъ; кромѣ сего горный отрогъ и мысъ, высящійся между Тайбе и Насбомъ, по нынѣ называется Зелима. Если у этого названія отнять букву З., приданную Арабскою, или Египетскою гортанію; то выдетъ Еврейскій Елимъ. Послѣ такой очевидности нужно ли искать сего околотка въ другомъ мѣстѣ Синайскаго полуострова? Думаю, что на темени Элимскаго мыса стояла военная стража Иисуса Навина; а прочіе Израильтяне кочевали на всемъ вышепомянутомъ пространствѣ.

По свидѣтельству св. книгъ, Исхода и Числъ

(16, 1.—33, 11—16) они спустились изъ Элима къ морю, а оттуда перешли въ пустыню Сінъ. Подъ этою пустынею я разумѣю не только песчаную, узкую полосу, простирающуюся вдоль моря отъ источника Мархскаго до мыса Джеханъ, но и всю горную высь, заключающуюся между Насбомъ, Джебель Ет-Тихскимъ хребтомъ и группою гранитныхъ горъ, сосредоточенныхъ около Синайскаго монастыря. Ибо на сказанной полосѣ нѣтъ ключевой воды, да и пространство ея недостаточно для помѣщенія многочисленнаго Израиля: а въ означенномъ нами тупомъ тріугольникѣ есть и вода, и просторъ великъ.

Итакъ сего дня мы совершили путь по Элиму, а расположились ночевать въ уголкѣ пустыни Сінъ. Воспоминаніе пріятное.

Еще же пріятнѣе было любованіе окрестными мѣстами. По закатѣ солнца Африканскія горы одѣлись ненаглядною синевою. Одна изъ нихъ самая южная, кажется, Джебель Зейтъ, если не Харибъ, чаровала насъ своими тремя кудрявыми вершинами. Мнилось: три исполина подъ синими покрывалами разговаривали съ небомъ. А вблизи нашего кочевья, справа и слѣва, краснѣли разнообразныя пригорки глинянаго цвѣта. Въ

глуби же вогнутого полукруга Мархской равнины темнѣли безчисленные наросты, или кучи на горѣ Насбійской, возвышающіеся одни надъ другими въ видѣ пирамидокъ, окрашенныхъ цвѣтомъ давно потускнувшей мѣди. Такой естественный цвѣтъ ихъ заставлялъ предполагать, что тутъ есть мѣдная руда. А о. Каллиникъ говорилъ, что не такъ давно одинъ Грекъ началъ — было добывать тутъ горючую сѣру; но недостатокъ прѣсной воды и дорогая доставка жизненныхъ припасовъ изъ Суэса принудили его покинуть этотъ промыселъ.

Настала тихая ночь. Я поручилъ себя и присныхъ моихъ провидѣнію Божию.

11. Воскресенье.

Когда утренняя заря освѣтила наше кочевье; первое дѣло мое было возношеніе мыслей и сердца къ Богу святому, крѣпкому и безсмертному. Послѣ молитвы я вперилъ взоръ мой въ даль за Черное море, но не узрѣлъ дивнаго отсвѣта отъ тамошнихъ горъ вѣчныхъ. Ибо туманъ накрывалъ ихъ.

Утро было прохладно. Дулъ свѣжій вете-

рокъ. При вождѣнномъ вѣянніи его мы пустились въ путь благодушно, наполнивъ пѣровну свои кувшинцы и мѣхи Нильскою водою. Дорога, продолженная въ верховья Мархскаго поля, вела насъ вдоль его въ южномъ направленіи къ горѣ Накбъ-Сидырѣ. Отъ ночлега до этой горы наши верблюды шагали въ продолженіи двухъ часовъ. Налѣво у насъ были Насбійскія скалы и стремнины, направо вся Мархская равнина, окаймленная заливцомъ морскимъ. Она пространна вдоль и поперекъ, и богата пажитію для верблюдовъ. На ней въ обилии растутъ иглистый кустарникъ, въ ростъ мужа, юноши и отрока, называемый здѣсь, Марха, по Славянски, смерчіе. Иглы на многихъ, тонкихъ, гибкихъ и высокихъ лозочкахъ весьма длинны, и всѣ торчатъ къ верху. Отъ слабого дуновенія вѣтра смерчія издають глухой, протяжный гулъ. Не великоросло это растѣніе, а шумитъ сильно. Такъ малые и ничтожные люди иногда дѣлають много шуму въ вѣтrenomъ обществѣ.

Гора Накбъ-Сидырѣ окаймляетъ и замыкаетъ Мархское поле съ юга. Когда мы подъѣхали къ сѣверовосточному углу ея; намъ открылась Уади Шилмелъ. Мы вошли въ нее и начали подни-

маться въ юговосточномъ направленіи. Эта долина широка, чиста и велелѣпна. По обѣимъ сторонамъ ея высятся величественные, песчаниковые холмы и скалы. Въ ней по мѣстамъ растутъ деревья, въ родѣ колючихъ акацій. Хозяева очищали ихъ въ надеждѣ собрать съ нихъ такъ называемую камедь Аравійскую (*Gummi Arabicum*). Уади Шилмель оканчивается у узкаго всхода на хребетъ горы Сидырской, обдѣланнаго человѣкомъ, вѣроятно, въ древнія времена. Взобравшись на верхъ его, мы непосредственно вступили въ долину Сидырѣ. Она извивистѣе, красивѣе и величественнѣе Уади Шилмель. Обѣ стороны ея облицованы отвѣсными, исполинскими, сплошными скалами. И что это за-скалы? Прелесть очей. Ибо онѣ снизу до верху покрашены разноцвѣтно. Извиваясь между ними, видишь огромныя массы, то желтыя, то голубыя, то порфиrowыя, и въ нихъ бѣлыя, черныя, красныя жилы и синія крапинки. Здѣсь начинается проявляться красота внутреннихъ горъ Синайскаго полуострова. На нихъ отразилось великолѣпіе славы Творца и Зиждителя земли. Кто не видалъ сихъ горъ, тотъ не пойметъ хорошо этихъ словъ моихъ хвалебныхъ.

Мы съ восхищеніемъ продолжали путь по тѣснымъ извилинамъ Уади Сидырѣ, въ которую индѣе не проникаетъ лучъ солнца. Она непосредственно соединяется съ долиною Мукаттебъ, исполненною письменъ, кои въ нашъ вѣкъ разгаданы. Но въ точкахъ соединенія, въ нее впадаетъ съ сѣверовостока, подѣ прямымъ угломъ, славная іероглифами Уади Магара. Мы повернули въ эту юдолъ налѣво, и спустя нѣсколько минутъ расположились въ ней отдыхать подѣ тѣнистымъ навѣсомъ скалы, на которой начертано имя фараона Хуфу (Хеопса), строившаго большую пирамиду. Было за-полдень. Солнце пекло. А любопытство мое пламенѣло.

Не короткій отдыхъ укрѣпилъ наши силы. Начались занятія. Г. Соловьевъ, по желанію моему, сталъ высѣкать долотомъ на упомянутой скалѣ молитву за Царя:

Deus saluum fac regem nostrum

Боже храни цара нашего,

Imperatoremque

и Императора

Nicolaum 1.

Николая 1.

1850.

Мнѣ хотѣлось начертать имя Государа на вѣковѣчной и нерушимой скалѣ Синайской, на которой читается имя славнаго Хеопса. Пусть эта скала возвѣщаетъ настоящимъ и грядущимъ поколѣніямъ, что Благодатный Николай живетъ и жилъ въ сердцахъ своихъ подданныхъ, и что они любятъ и любили Его предъ лицомъ Бога за великія и славныя дѣла. Пока Г. Соловьевъ работалъ: я снималъ іероглифическую надпись, начертанную на Хеопсовой скалѣ (*). Что могъ, сдѣлалъ. Что было видно, то срисовано. Что изгладилось, или попортилось, то опущено.

При вѣздѣ въ Магарскую долину,halbwegs отъ дороги, высоко на скалахъ начертано довольно много такъ называемыхъ Синайскихъ надписей. Но въ этотъ разъ я не занялся ими, потому что въ первое путешествіе отподобилъ ихъ нѣсколько. За то подъ вечеръ посѣтилъ сосѣднія каменоломни, изъ которыхъ Хеопсу добывали порфировыя плиты для обшивки большой пирамиды, и вмѣстѣ съ о. Теофаномъ и Соловьевымъ срисовалъ тамошніе іероглифы и царскіе лики, изваянные на скалахъ (**).— Не понимаю ихъ смы-

(*) Смотри рисунокъ на листѣ 81.

(**) Смотри рисунки на листахъ 82, 83, 84.

сла, не вѣдаю ихъ времени, и жалѣю о томъ, что я не посвященъ въ тайны знанія древнихъ письменъ Египетскихъ: а то бы внесъ въ свои путевыя записки имена и подвиги тѣхъ царей, которые изображены на розовыхъ скалахъ Магарскихъ. Отъ знатоковъ же Іероглифическихъ письменъ не принимаю милостыни, потому что не люблю жить чужимъ добромъ, да и, признаться, не совсѣмъ довѣряю ихъ знанію, которое и шатко и сбивчиво, и не безъ противорѣчій. Если мнѣ удастся найти въ книгохранилищѣ Синайской обители древній ключъ къ разумнѣю іероглифовъ Египетскихъ; то самъ я прочту и изложу все, что написано въ Уади Магара.

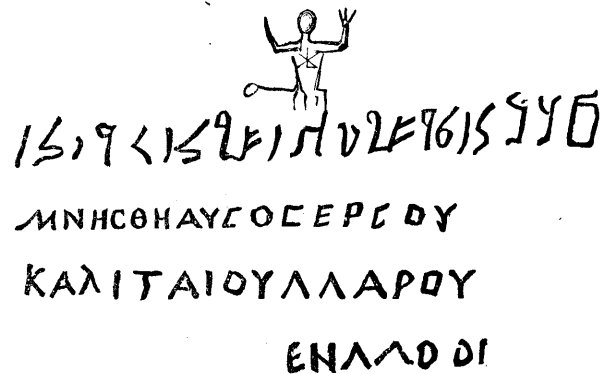
У Іероглифовъ мы запоздали и уже въ сумракѣ отправились въ сосѣднюю долину Мукаттебъ. Но скоро луна освѣтила намъ дорогу. При свѣтѣ ея Мукаттебскіе холмы, скалы, бугры, выпуклины, лежачіе камни, провалы, пески, принимали видъ призрачный, или точнѣе, казались нарисованными, а не вещественными. Тамъ, гдѣ находится большая часть надписей, мы расположились ночевать, но не раскинули шатровъ своихъ, а поставили однѣ походныя кровати поодаль отъ

скаль, дабы не заплзли къ намъ змѣи. Сладчайшій сонъ мгновенно объялъ насъ всѣхъ.

12. Понедѣльникъ.

Въ Синайской пустынѣ, гдѣ горный воздухъ весьма тонокъ и чистъ, спится крѣпко, а встаетъ рано. Какъ только я пробудился и промылъ глаза: пошелъ разсматривать таинственныя надписи. Ихъ такъ много, а времени было такъ мало, что у меня отпала охота чертить ихъ подобія на бумагѣ тѣмъ болѣе, что въ первое путешествіе сдѣлано мною нѣсколько снимковъ съ нихъ. Не скоротечному путнику, а Синайскимъ монахамъ надлежало бы заняться точною снимкою всѣхъ письменъ Мукаттебскихъ. Этимъ они оказали бы драгоценную услугу наукѣ, и наипаче, когда бы нашли здѣсь, или въ другомъ мѣстѣ, подстрочный переводъ ихъ. Но они не любознательны. Богъ да проститъ имъ сей недостатокъ! Въ настоящій разъ я ограничился мимоходомъ, но зоркою наглядностію на чудныя черты и рѣзы, горя желаніемъ найти подстрочное объясненіе ихъ на Греческомъ языкѣ. Спутники мои занялись тѣмъ же дѣломъ. Мы раздѣлили

всю линію исписанныхъ скаль на три части; и каждый изъ насъ внимательно обозрѣлъ свой отдѣлъ вверху и внизу, вдоль и поперекъ. Но трудъ нашъ не увѣнчался желаннымъ открытіемъ. Въ одномъ мѣстѣ я замѣтилъ подъ неизвѣстною надписью Греческія слова, и срисовалъ ихъ вмѣстѣ съ нею:

Помяни Авсосерса
Калиту Гуллара.

Однако думаю, что тутъ какой-нибудь поклонникъ изъ Христіанъ начерталъ по Гречески не переводъ показанной надписи, а свое имя, и начерталъ, потому что нашелъ пустое мѣсто. Ибо

если бы тутъ былъ переводъ, то въ подлинникѣ, въ соотвѣтствіе тремъ сигмамъ Σ въ имени ΑΥΣΟΞΕΡΣΟΥ стояли бы три одинаковыя буквы. Но ихъ не видно.

Не достигнувъ желанной цѣли, я для памяти набросалъ на бумагу нѣсколько надписей. Вотъ онѣ:

Въ Мукаттебъ

на большой скалѣ, гдѣ много писменъ:

въверху

Handwritten cursive script, possibly representing a name or title.

ΕΡΡΩΣΘΑΙ

ΘΑΔΩ
ΝΗΚ

91963MK⁺

Handwritten cursive script, possibly representing a name or title.

Handwritten cursive script, possibly representing a name or title.

Handwritten cursive script, possibly representing a name or title.

Handwritten cursive script, possibly representing a name or title.

161947V

Handwritten cursive script, possibly representing a name or title, followed by the Greek word + ΝΗΚΑΡΙΟΣ.

Не излагаю здѣсь своего мнѣнія о таинственныхъ чертахъ и рѣзахъ Мукаттебскихъ, потому что пишу путешествіе, а не разсужденіе. Но для памяти замѣчаю, что большая часть этихъ писъ менъ, изъ коихъ однѣ древнѣе, другія новѣе, нѣкоторыя мельче, иныя крупнѣе, начертана на скалахъ *весьма высоко*. Кто вырѣзывалъ ихъ, и вырѣзывалъ желѣзомъ, тотъ къ скаламъ подматывался. А такъ какъ этого не могли сдѣлать поклонники, не возящіе съ собою лѣсницъ; то надобно думать, что надписи сдѣланы людьми, которые почему-либо долго оставались въ долинѣ Мукаттебъ и въ сосѣдней Магарѣ, и имѣли всѣ нужныя къ тому орудія и подмости. По всей вѣроятности, ихъ начертали мѣстные жители въ древнѣйшія времена, торгуя тутъ съ Египтянами.

Въ началѣ шестаго часа мы отправились въ Фейранъ въ сладкомъ чаяніи облитыя холодною водою тамошняго потока. Съ верблюда я окинулъ взоромъ всю долину Мукаттебскую; и мнѣ показалось, какъ будто холмы на правой сторонѣ ея срѣзаны до половины. Богъ вѣсть, что тутъ было, и кто тутъ работалъ, человекъ, или трусъ земли. Подлѣ меня ѣхалъ домочадецъ Ханна. Желая вывѣдать отъ него, не слыхалъ ли онъ

чего отъ отца, или отъ родныхъ своихъ о Синайскихъ надписяхъ, я спросилъ его:

— Какъ ты думаешь, Ханна: кто вырѣзалъ письменна, кои мы видѣли сегодня?

— Вы это знаете лучше меня.

— Если бы я зналъ, то и не спрашивалъ бы тебя.

— А мнѣ откуда про то знать?

— Ты родился и выросъ въ Раиѣ; такъ можетъ быть, слыхалъ тамъ: кто писалъ на здѣшнихъ скалахъ.

— Слыхалъ, что когда здѣсь жили Евреи, то Богъ велѣлъ имъ учиться грамотѣ. Стало быть они и писали эти каракули, кои вы рисовали сего дня.

— И Такъ въ Мукаттебѣ была ихъ школа?

— Должно быть такъ.

— А что они тутъ ѣли?

— Манну.

— Чѣмъ же запивали ее, когда нѣтъ здѣсь воды?

— Манна была такъ сочна и сладка, что имъ не надобилась и вода.

— Мы думаемъ, что въ здѣшнихъ письменахъ заключается великая премудрость: а по твоему, это Еврейскіе склады?

— Да развѣ вы не замѣтили, что всѣ строки походятъ одна на другую? Очевидно, что ихъ нацарапали мальчишки.

— Почему же они писали на скалахъ?

— Потому что тогда не было бумаги, или, скупые Евреи не хотѣли покупать ее.

— А кто училъ дѣтей ихъ?

— Даскалы (учители).

— Почему Богъ велѣлъ имъ учиться грамотѣ здѣсь, а не въ Египтѣ, гдѣ они жили долго?

— Потому что здѣсь имъ нечего было дѣлать. Богъ праздности не любитъ; такъ и велѣлъ имъ завести школы, чтобы они умѣли читать святой законъ Его.

— Хорошо, Ханна. Ты рассуждаешь, какъ философъ, и я люблю твои рассужденія.

— А по вашему, кто исписалъ здѣшнія скалы?—спросилъ меня домочадецъ.

— Поклонники и мѣстные жители.

— Что же тутъ написано?

— Сначала, Селамъ—миръ, потомъ имена, и прошенія къ Богу.

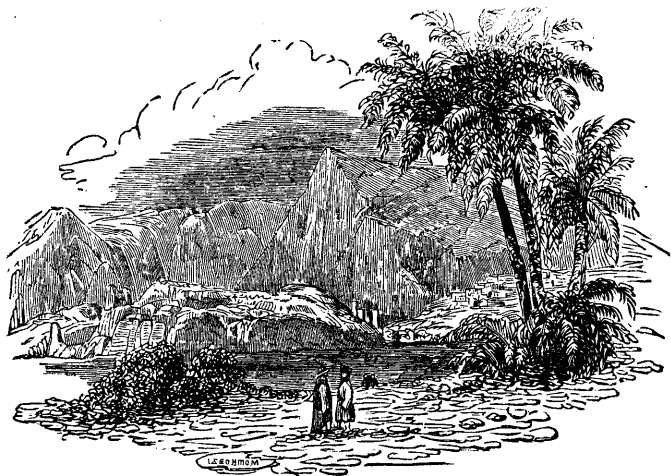
— И такъ вы это знаете лучше меня.

Замѣчательно, что Ханна высказалъ мнѣ о Синайскихъ надписяхъ тоже, что передалъ о нихъ Козьма Индоплаватель, жившій въ началѣ шестаго вѣка по Рождествѣ Христовѣ. Сей ученый мужъ утверждалъ, что эти надписи начертаны Евреями въ бытность ихъ на Синайскомъ полуостровѣ, и что въ нихъ содержатся заповѣди и законы Моисеевы. Преданія ложныя и истинныя

переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ, и изъ рода въ родъ. Человѣческія головы подобны скаламъ Мукаттебскимъ, преданія надписямъ на нихъ, а слово—железному рѣзцу.

Отъ Мукаттеба до развалинъ города Фарана мы ѣхали по извивистой долинѣ Фейранской въ продолженіи семи часовъ. Межъ горъ было весьма жарко. Однако изъ ущелий порой вырывался вѣтеръ и умѣрялъ разгоряченіе нашей крови. Предъ помянутымъ городомъ въ тѣснинѣ разведенъ не большой садъ финиковый. Тутъ хорошо видны западныя вершины Зербала. Гранитныя, высочайшія, отвѣсныя, раздѣльныя, великолѣпныя, изумительныя, онѣ походятъ на зубчатый вѣнецъ на головѣ исполина. Я остановился предъ сею горою, и нѣсколько минутъ восхищался ея правильною лѣпотою и дивнымъ величіемъ. Зербаль есть прекрасно—высокая мысль Всемогущаго. Это вѣнчаный царь Синайскихъ горъ. Достоинно замѣчанія, что и между высотами земли есть цари, князи, вельможи, и низкіе простолудины. Подобіе человѣческаго общества! Подъ влияніемъ сихъ мыслей я позади всѣхъ вѣхалъ въ широкую котловину Фейранскую, сплошь обставленную высокими холмами, и въ срединѣ

ея увидѣлъ тѣ же развалины Фаранской Епископїи и церкви, а на склонахъ и вершинахъ холмовъ тѣже опустѣлые дома, коихъ существованіе и зодчество удивили меня въ первое путешествіе тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе я чаялъ найти ихъ въ значительномъ множествѣ и въ такой цѣлости, какъ будто недавно опустѣла столица Синайскаго полуострова. Черезъ пять лѣтъ ничто тутъ не

исчезло и не измѣнилось. Только потокъ заросъ камышемъ и длинными, чернobarхатными пилатиками, которыхъ прежде я не видалъ тутъ, потому что былъ ранѣе почти цѣлымъ мѣсяцемъ. Тогда онъ струился; и я обливался его холодною водою, накопленною въ маленькой заводи. А въ этотъ разъ Бедуины едва начерпали намъ два-

три ведра мутной влаги изъ-подъ корней растѣній, заволокнувшихъ его. Изчезла наша надежда на омовеніе въ струяхъ Фаранскихъ. Отъ палящаго солнца и отъ межгорнаго зноя мы укрылись подъ сухими вѣтвями старыхъ финичій, склонившимися къ ихъ матери-землѣ.

Мѣстные Арабы принесли намъ свѣжаго, козьего молока, и продали нѣсколько полузрѣлыхъ помидоровъ. Одного изъ нихъ я спросилъ: кто построилъ каменные домики на высотахъ окрестныхъ, и кто въ нихъ живетъ? Онъ отвѣчалъ: «эти домики пусты давно, а строили ихъ Франки.» Вѣрно преданіе. Ибо въ одной непечатной лѣтописи Арабской (*) упомянуто, что въ 1117 году крестоносцы подъ предводительствомъ Іерусалимскаго короля Балдуина 1-го приступомъ взяли Фаранъ и владѣли имъ нѣсколько времени. Стало быть, на сосѣднихъ высотахъ они жили для безопасности своей, и сторожили какъ этотъ городъ, такъ и полчища непріятелей своихъ, Египтянъ. Любопытно было обозрѣть ихъ жи-

(*) Эта лѣтопись, отъ начала крестовыхъ походовъ доведенная до 1699 года, составлена однимъ ученымъ Маронитомъ на Ливанѣ. Я имѣю списокъ съ нея.

лица, въ которыхъ, статья можетъ, уцѣлѣли какія нибудь надписи, и сравнить постановку оныхъ съ зодчествомъ другихъ сторожевыхъ зданій того времени. Но такое предпріятіе сопряжено съ большимъ затрудненіемъ. Ибо лазить по горамъ и стремнинамъ въ жаркое время весьма мучительно. Въ первую бытность здѣсь я не всходилъ на окрестныя высоты, потому что спѣшилъ съ Синая на Аѳонъ. А въ этотъ разъ меня, недужнаго глазами, поколебала нерѣшимость. Лежа подъ тѣнію Финика, я думалъ и раздумывалъ: идти ли въ нагорные домики утромъ, или не идти. Любознательность начала было превозмогать нерѣшимость; но одно не маловажное обстоятельство усилило ее. Мои проводники и мѣстные Арабы сказали, что опасно ночевать у Фаранскаго потока отъ множества ядовитыхъ скнипъ и скорпіоновъ. А переноситься съ вещами на другое сосѣднее мѣсто не захотѣлось. Къ тому же случись въ Фаранъ безводье. А въ нашихъ бочкахъ не достало бы влаги, еслибы мы пробьли тутъ день лишній. Итакъ скрѣпивъ сердце, я отложилъ далеко нѣгдѣ намѣреніе свое обозрѣть нагорныя жилища Франковъ и взойти на вершину Зербала, исписаннаго неизвѣстными чертами и рѣ-

зами, намѣреніе, которое лелѣялъ во всю дорогу отъ Каира до Фарана. Жалко мнѣ было оставить маститыя древности безъ изслѣдованія; но надлежало уступить неблагоприятнымъ обстоятельствамъ. Уступка сдѣлана была тѣмъ благодушнѣе, что въ минуты внутренней борьбы во мнѣ возникла надежда вознаградить настоящую потерю лучшими прибѣтками знанія въ Синайской обители. Надежда хотя иногда и обманываетъ; но всегда пріятно быть подъ очаровательною властію ея.

Въ Фаранѣ мы отдыхали болѣе четырехъ часовъ, и въ пятнадцать минутъ шестаго по полудни поѣхали далѣе по тропинкѣ, проложенной между садами, въ которыхъ кромѣ финичій роскошно растутъ тѣннолиственное дерево Сидыръ, приносящее сладкіе яблочки съ кислотцою, называемые Нобакъ. Эти сады принадлежатъ всему племени Уладъ-Саидъ; иной бедуинъ имѣетъ въ нихъ два дерева, другой три, нѣкоторые болѣе; и у каждаго есть Ходжѣтъ, по нашему, купчая крѣпость на собственность его. О. Каллиникъ говорилъ, что и монастырь Синайскій прежде имѣлъ свой садъ около Фарана; но бедуины отняли его насильно. Немного выше устья потока нахо-

дятся ихъ общее кладбище. Надъ могилами они ставятъ не тесаные камни, какіе попадутся. А на одной изъ нихъ я замѣтилъ мраморный столбикъ, взятый, безъ сомнѣнія, изъ сосѣднихъ развалинъ.

Дорога между Фаранскими садами весела. Ёдешь и любишься то яркою зеленію деревъ, то красотою и разнообразіемъ гранитныхъ высотъ, то излучистымъ расположеніемъ ихъ отроговъ и склоновъ, которые забѣгаютъ одинъ за другой и по видимому пересѣкаютъ дорогу. Не далеко за кладбищемъ, тамъ, гдѣ горный кряжъ отъ правой руки врѣзывается въ долину, на лѣвой сторонѣ ея вверху видно на самомъ краю холма малое зданіе. Это—церквица, или келья отшельника.

За рубежемъ садовъ представляется взорамъ другое пріятное зрѣлище. Фейранская долина расширяется; ее наполняетъ лѣсъ хвойный; прекрасныя Тарфы, или Манны растутъ высоко, раскидисто, густо, и далеко стелютъ по землѣ свои корни, изъ которыхъ выходятъ молодые побѣги; индѣ онѣ сгущены, и образуютъ тѣнистые ходы (аллеи); индѣ между ними есть поляны, какъ въ искусственныхъ садахъ (*) Подошвы горъ обро-

(*) Въ нынѣшнемъ году плода отъ нихъ не было.

сли травою; кажется, будто зелеными лентами повиты онѣ. Въ срединѣ долины извиваются русла зимнихъ потоковъ, мелкія, глубокія, песчанья, съ голышами. Видно, тутъ бывають проливные дожди. Кто употребилъ бы нѣсколько тысячъ рублей на улучшение Фаранскихъ садовъ и лѣсовъ, и устроилъ бы въ нихъ систерны, тотъ обратилъ бы это мѣстечко въ эдемъ. Плодородность Фейранской долины, обиліе перепадающихъ въ ней дождей, сладкоструйный потокъ ея и близость къ Черному морю поясняютъ, почему Амалекиты построили въ ней городъ, и почему народонаселеніе его было значительно.

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ я ѣхалъ по этой долинѣ. Свѣтъ лунный придавалъ ей особенную очаровательность. Смотрю на высоты: однѣ изъ нихъ озарены, а другія сумрачны. Смотрю на землю, и вижу длинныя тѣни холмовъ и деревъ, и за тѣнями, между ними, вокругъ, вблизи, вдали,—полосы свѣта прямыя, кривыя, широкія, узкія, угловатыя, клетчатая. Синайская луна—искусная ткальница. Она подъ хвойными Маннами тчетъ такую тончайшую, клетчатую, узорчатую кисею, что не налюбишься ею.

Не много далѣе отъ того мѣста, гдѣ широкая

Уади Шехъ впадаетъ, съ востока, въ Фейранскую долину, и гдѣ эта долина непосредственно соединяется съ прекрасною именованною и свойствомъ Уади Слафъ, мы расположились ночевать. Эта Уади-настоящая горница, обширная и чистая! Въ ней межъ высокихъ и утесистыхъ стѣнъ, подъ лазуревымъ и звѣзднымъ потолкомъ, при свѣтѣ лампы повѣшенной въ небѣ, мы нашли вожделѣнный покой. Любуясь ея прекраснымъ убранствомъ, я думалъ: великолѣпныя горы и долины суть образцы, по которымъ народы въ свое время будутъ строить храмы всесовершенному Богу.

13. Вторникъ.

Слафская долина значительно возвышена надъ уровнемъ Чермнаго моря. Къ ней мы поднимались сперва чрезъ Уади Шиллель, потомъ чрезъ высокій всходъ, Накбъ-Сидыръ. Посему-то тринадцатое Юньское утро въ ней было такъ свѣжо, что у меня ноги озябли. Однако эта долина ниже той дебри, въ которой стоитъ Синайскій монастырь.

Сегодня я съ дружиною моею сдѣлалъ послѣдній переѣздъ. Онъ на всегда останется памятнымъ мнѣ по тѣмъ восторгамъ, кои я ощущалъ

въ себѣ при взглядѣ на величѣпныя и величественныя горы Зербалъ, Хау, Банатъ, Фрейю, Хоривъ, Хамру, Деръ и Синай.

Въ Слафской долинѣ Зербалъ долго видѣнъ во всемъ его дивно-прекрасномъ величїи. Идя пѣшкомъ, я не разъ съ восхищенїемъ любовался этимъ царемъ высотъ Синайскихъ, а въ одномъ мѣстѣ, гдѣ онъ весь открывается изумленному взору, невольно остановился предъ нимъ, и въ неизрѣченномъ восторгѣ отъ его разнообразныхъ и розовыхъ вершинъ, озаренныхъ утреннимъ свѣтомъ, обнажилъ свою голову, и съ благоговѣнїемъ и въ сладкомъ умилени души произнесъ хвалу всевышнему творцу:

«Дивно свѣтиши отъ горъ вѣчныхъ».

Чѣмъ долѣе, чѣмъ пристальнѣе и частичнѣе я смотрѣлъ на сію Божию гору: тѣмъ болѣе восторгъ мой увеличивался, расширялся, и соразмѣрялся съ нею. Она казалась мнѣ огромною, лѣпною картиною, представляющею торжественное дарованіе Десятословія Израильскому народу, только-что полученнаго Моусеемъ отъ Бога. Это событіе, какъ нельзя живѣе и лучше, отображается въ ея вершинахъ, изваянныхъ всемогущимъ Художни-

комъ (*). На первомъ планѣ видны двѣ каменные скрижали, высокія, тонкія, правильныя; ихъ несетъ пророкъ Моисей; за нимъ будто старѣйшины Израильскіе въ розовыхъ мантияхъ сходятъ съ горы въ чинномъ порядкѣ, а предъ нимъ толпою грядутъ жрецы и левиты мимо островерхой Скинии Свидѣнія (**), за которою на второмъ планѣ раздѣльно стоятъ полукругомъ колѣна Израилевы, въ утреннемъ сумракѣ ожидающіе начертанныхъ Богомъ заповѣдей. Созерцая эту картину, изваянную изъ розоваго гранита въ исполинскихъ размѣрахъ и освѣщенную утреннимъ солнцемъ и чистѣйшимъ отблескомъ лазурнаго неба, я стоялъ, какъ вкопанный, изумлялся, и млѣлъ отъ восторга, порожденнаго видѣніемъ прекрасно-высокаго предмета.

Уади Слафъ чиста, гладка, широка, и обрамлена миловидными холмами. Въ ней растутъ иглистые Смерчія и хвойныя Манны, но рѣдко, а въ руслѣ ея, какъ и въ другихъ долинахъ попадаются большіе и малые камни голубаго цвѣта съ синими крапинками. Они очень красивы. Въ

(*) Смотри рисунокъ на листѣ 31.

(**) Холмъ, похожій на скинію, собственно принадлежитъ къ составу высотъ Слафскихъ, но съ точки моего зрѣнія казался слитымъ съ Зербаломъ.

окрестныхъ высотахъ нѣтъ имъ подобныхъ по цвѣту. Откуда же они появились? Думаю, что потопныя воды занесли ихъ сюда изъ другихъ мѣстъ.

Слафская долина съ юга поворачиваетъ на востокъ подъ прямымъ угломъ, и вдоль основанія угрюмой горы Хау простирается до тѣснаго ущелья Накбъ-Хау, ведущаго къ Синайскому монастырю. При поворотѣ ея, налѣво отъ дороги стелется Уади Талебъ, названная по имени Шеха, похороненнаго въ ней на холмѣ. Тутъ у Бедуиновъ есть каменные клѣтки для складки хлѣба и сбруи. Тутъ же, не много лѣвѣе отъ помянутой могилы, кочевали рабы монастырскіе. Нѣкоторые изъ нихъ подошли къ намъ и цѣловали руку о. Каллиника, а прочіе толпились у своихъ черныхъ шатровъ, зѣвая на поѣздъ нашъ. Уади Талебъ мелка. Она походитъ болѣе на равнину, чѣмъ на юдоль. Въ ней есть обильная пажить для козъ и верблюдовъ. А Уади Слафъ немного глубже. Надъ нею господствуетъ высокая и утесистая гора Хау. Мраченъ видъ сей горы. Она прямолинейно простирается съ запада на востокъ и вмѣстѣ съ сестрою своею, Ель-Фрейею, тянущеюся въ томъ же направленіи и по той же линіи,

составляетъ какъ бы ограду, за которою укрытъ богосущественный Синай съ древнею обителію.

Горы Хау и Ель-Фрэйя раздѣляются ущелиемъ, называемымъ Накбъ-Хау. Тутъ оканчивается Уади Слафъ, и тутъ мы подъ прямымъ угломъ повертели на югъ и начали подниматься по Накбу. Первый подъемъ выстланъ камнями. Онъ узокъ и стропотенъ. Налѣво глубится дикая дебрь, по которой зимою течетъ дождевой потокъ. Въ глуби ея таится родникъ сладкой воды, а въ верховьяхъ растутъ бѣлыя тополи и дикія финичія. Почти у начала Накбійскаго перевала, на вершинѣ противоположной горы Ель-Фрейи одинъ камень походить на большую, лежащую собаку. Голова ея поднята и обращена къ Синайской обители. Сходство разительное! У стропотной дороги торчатъ огромные камни краснаго цвѣта, когда-то отторгшіеся отъ гранитныхъ горъ. Въ ихъ глубокія впадины набросанъ Бедуинами щебень, дабы тутъ, — какъ они говорятъ, — не гнѣздились нечистые духи. Съ первыхъ привысей Накбійской тѣснины, на сѣверозападѣ, ясно видна высокая и густая гора, Банатъ, любимое жилище Синайскихъ сернъ. Двѣ пирамидальныя вершины ея, какъ два исполинскіе старца въ багрянотемныхъ

мантіяхъ и куколяхъ, зрять къ Фарану, отъ котораго, по слову пророка Аввакума, Богъ приходитъ.

Длинень и утомителень перевалъ Накбійскій. Болѣе двухъ часовъ мы пѣшкомъ поднимались съ горки на горку и шагали по зыбучему гранитному песку, пока достигли до великолѣпной долины, Раха. Съ меня ручьемъ лился потъ. Во рту накипѣла несносная горечь. Къ счастью, намъ попался на встрѣчу бедуинъ съ свѣжими абрикосами и грушами въ двухъ корзинахъ на ослenkѣ. Онъ везъ ихъ на продажу въ Раиеу. Мы купили у него этихъ плодовъ и посластили ими животы свои. А проводники наши, по праву бедуинскаго товарищества, даромъ брали у него это душистое и сочное ястіе. Онъ же не только не отгонялъ ихъ, но и не сказалъ имъ ни одного слова.

При выходѣ изъ Накбійской тѣснины, межъ скалъ въ ложбинѣ, подъ гранитнымъ пескомъ кроется родникъ сладкой воды. Отъ него начинается и постепенно расширяется Рахійская долина въ направленіи отъ сѣверозапада къ юговостоку. Она со всѣхъ сторонъ обставлена великолѣпными горами. Справа; по дорогѣ въ мона-

стырь, высятся надъ нею зубчатая вершина Зейта и Губше, слѣва отвѣсные утесы Ель — Фрейи, а впереди исполинскій Хоривъ. Она ровна, чиста, длинна и весьма широка. На ней свободно могли помѣщаться колѣна Израилевы, когда Богъ давалъ имъ законъ на Синаѣ. На половинѣ ея дождевыя воды раздѣляются такъ, что однѣ текутъ въ Накбійскую тѣснину, а другія къ подошвѣ Хорива. Ту же видѣнь вдали Синайскій монастырь.

Красоты горъ, окаймляющихъ Накбъ — Хау и Рахійскую долину, такъ разнообразны и величественны, а освѣщеніе ихъ такъ ярко и сложно, что я отказываюсь описывать ихъ. Перо мое неискусно. Слово мое безсильно. Краски рѣчи моей блѣдны. Какъ изображу я тѣ зубчатая вершины, изъ коихъ каждая имѣетъ свой ростъ, свой видъ, свою цвѣтность, и кои въ общемъ строю кажутся однородными? Какъ опишу тѣ исполинскіе утесы, которые высятся одни надъ другими, выдаются, пятятся, восходятъ, низходятъ, сгущаются и раздѣляются? Какъ представлю тѣ глубокія стремнины и тѣ суровыя ущелія межъ горъ, въ коихъ тѣни, свѣтъ и мерцанія розовыя, зеленныя, золотистыя, сопроницаются и непрямь

дождемъ, или косыми лучами льются съ высотъ въ глубины? Требуется не мое воображеніе, и не моя трость скорописная, чтобы живо описать Хоривъ, Виоравму, гору св. Епистиміи, и противоположныя ей высоты. Когда съ Рахійской равнины я увидѣлъ Хоривъ, весь отъ основанія до темени его: сталъ неподвижно и весь обратился въ зрѣніе. Престо мною къ небесамъ возвышался стѣною огромный, утесистый островъ на морѣ песчаномъ. Основа его широка и плотна, а изрытый островъ суживается къ верху мало и правильно. Трисоставное темя его зазубрено, грудь же и бока усѣчены откосно. Средній составъ выдается немного впередъ, а прочіе попячены назадъ. Ослѣпительный свѣтъ обливалъ сію Божию гору и золотилъ ея розовый островъ. Надъ нею синѣло чистѣйшее небо. Нѣкогда съ этого неба освобожденный Израиль слышалъ гласъ Божій, изрѣкшій ему святыя законы. А эта гора служила подножіемъ Ветхому денни Законодателю.

Насладившись видомъ Хорива, я медленно двигался впередъ по Рахійской равнинѣ. Съ каждымъ шагомъ представлялись мнѣ новые предметы, одинъ другаго лучше, величпнѣе, величественнѣе. Посмотрю ли направо, на горы Зейтъ

и Губше: ихъ зубчатая вершины чаруютъ меня. Вперю ли взоръ мой налѣво въ утесистый уголь Ель-Фрейи, дугою поставленный противъ Хорива и Деира: (*) плѣняюсь изяществомъ и соразмѣрностию мѣста, и убѣждаюсь въ его предназначеніи къ великому событію, каково возвѣщеніе и принятіе Ветхаго Закона. Когда я приближался къ Хориву и взглянулъ правѣе въ тѣснину, въ которой высятся три угла трехъ горъ, Губше, Хорива и Ел-Хамры: увидѣлъ прекрасное и высокое, и возвеселился. Что же прекрасное тамъ?—Розовый цвѣтъ утесовъ Ел-Хамры и яркая зелень кипарисовъ у подошвы Хорива въ блескѣ золотистыхъ лучей небснаго свѣтила. Кипарисы хотятъ сравниться съ Хоривомъ въ вышинѣ; но имъ не дорости до темени Божіей горы. Такъ самому высокому подвижнику не достигнуть въ мѣру возраста и исполненія Христова. А что тамъ высокое?—Исполинскіе утесы Виѳрамвы (**), и на нихъ поднебесные столпы. Увеселяясь ими, я вспомнилъ,

(*) Гора св. Епистиміи.

(**) Я разумѣю уголь горы Хамры, что въ началѣ долины Лежда, на правой сторонѣ ея. Бедуины называютъ его Рабба. Очевидно, это Виѳрамва, у которой спасались древніе отшельники. (Смотри видъ ея).

что тутъ приняты мученическій вѣнецъ преподобные отшельники.

Когда поѣздъ мой вступилъ въ тѣсную юдоль между горами Деиромъ и Синаемъ, въ которой укрытъ монастырь: я спустился съ верблюда и пошелъ пѣшкомъ. Въ душѣ моей происходило нѣчто необыкновенное. Она, по подобію окрестныхъ исполинскихъ высотъ, сама принимала огромные размѣры. Чуднымъ утесамъ Деирскимъ и Синайскимъ, подпирающимъ небо, въ ней соотвѣтствовали благоговѣніе, удивленіе и изумленіе предъ величіемъ Бога, который силою мысли и воли своей поставилъ тутъ скалы на скалы, утесы на утесы и горы на горы, прямо и наклонно, отвѣсно и навѣсно, слитно и раздѣльно, необъятными пластами, нерушимыми стѣнами, соразмѣрными уступами, островерхими столпами, кругловидными загибами, глубокими вгибами, толстыми мышцами, тонкими ребрами, неровными зубцами, волнистыми хребтами, сквозными позвонками, прямо и косвенно, высоко и глубоко, широко и волнисто. Дивному свѣту, въ которомъ горѣли и не сгарали пепловидные слои монастырской юдоли и розовыя скалы Деира, и багряные утесы Синая, и зеленые склоны горы, съ коей

Моисей узрѣлъ святую Купину, этому свѣту во мнѣ отсвѣчало сіяніе духа, въ которомъ, не тускнувъ, блистали видѣніе многообразной красоты и премудрости Божіей, отпечатлѣнной на горахъ, радость объ этомъ видѣніи, восторгъ отъ божественной картины, веселіе о томъ, что мнѣ дана душа способная къ созерцанію высокаго, и благодареніе Богу, приведшему насъ безопасно къ святой Купинѣ.

Въ четыре часа по полудни мы вступили въ монастырь, предшествуемые властными старцами и оглушаемые звономъ колоколовъ и грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ, долго гремѣвшимъ въ горахъ. Изъ гостиницы былъ видѣнъ весь садъ монастырскій; а за нимъ рисовались величѣпныя горы по обѣимъ сторонамъ золотистой долины Рахійской.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ МОНАСТЫРѢ, СЪ 14-ГО ПО 30-Е ІУНЯ.

Шестнадцать дней я провелъ подъ кровомъ Св. обители въ богомольѣ, въ собесѣдованіяхъ съ преподобными старцами, и въ ученыхъ трудахъ. Иная жизнь моя была въ пути, и иная въ кельѣ. Тамъ болѣе занимала меня природа, а здѣсь наука. Въ старинныхъ рукописныхъ книгахъ монастырскихъ я нашелъ много такого, что достойно вниманія любознательныхъ. Болѣе драгоценными прибѣтками считаю свѣдѣнія о Греческомъ пѣніи церковномъ, и о славянскихъ переводахъ св. писанія. Какъ эти, такъ и другіе прибѣтки будутъ изложены мною въ другое время въ особомъ сочиненіи о Синаѣ. А теперь спѣшу внести въ свои путевыя записки ежедневныя наблюденія свои надъ собою и не собою.

Во все время пребыванія въ Синайскомъ мо-